

Цэнь Сяо крепче сжал его ладонь и, резко потянув на себя, заставил Ли Жуна практически уткнуться носом в свою грудь.

Ли Жун, чувствуя его близость, едва сдерживал улыбку. Они стояли так тесно, что казалось — стоит кому-то одному поддаться порыву и податься вперед всего на дюйм, как их губы встретятся.

Взгляд Цэнь Сяо потемнел. Подушечкой пальца он медленно поглаживал кожу между пальцами юноши, и его голос, предназначенный лишь для одного слушателя, прозвучал приглушенно:

— Ты так уверен, что я не осмелюсь ничего предпринять?

Староста смело встретил его взор. На мгновение он прикусил нижнюю губу, а затем в его глазах блеснула лукавая искра.

— Вовсе нет, — прошептал он. — Напротив, я даю тебе полное право действовать.

Взор Цэнь Сяо переместился на его влажные, покрасневшие губы. Он изо всех сил старался подавить бурю, бушующую в груди. Он не знал, каковы границы этого «права», и боялся, что малейшее неосторожное движение разрушит этот прекрасный, хрупкий мираж.

На миг в глазах мужчины отразилась внутренняя борьба, но вскоре взгляд смягчился. В конце концов он лишь поднял свободную руку и едва ощутимо коснулся контура губ Ли Жуна.

— Понял, — тихо выдохнул он.

Юноша на мгновение замер. Он ожидал, что Цэнь Сяо, воспользовавшись моментом, поцелует его или хотя бы проявит более явное влечение. Но тот оказался куда сдержаннее, чем можно было предположить: даже откровенно двусмысленную фразу он умудрился окутать нежностью, а не страстью.

Ли Жун не успел ничего ответить — их телефоны одновременно завибрировали.

Чтобы всегда оставаться на связи, они не стали отключать уведомления в своем маленьком чате, и теперь гаджеты наперебой заливались трелью входящих сообщений. Главным возмутителем спокойствия, как обычно, был Цзянь Фу.

[Цзянь Фу: Эй-эй-эй, товарищи! Докладываю: я помог тете Хуэй зарегистрировать интернет-магазин.]

[Линь Цинь: Ох... Цзянь Фу хочет, чтобы я стал моделью. Но я никогда не снимался для каталогов, боюсь, у меня ничего не выйдет.]

[Цзянь Фу: Ты — будущая звезда! Ты обязан уметь выгодно подать товар, понял?]

[Линь Цинь: Староста...]

[Цзянь Фу: Цыц! Что ты вечно за Ли Жуном прячешься? Вы лучше скажите, ну не гениальная ли у меня идея? Сейчас ни один магазин без моделей не обходится. Это называется визуальный маркетинг, сечете?]

[Линь Цинь: Ладно...]

[Цзи Сяочуань: Я буду снимать! Чур, я фотограф!]

[Цзянь Фу: Главное — это шарфы и шапки. Не надо щелкать только его лицо...]

[Цзи Сяочуань: Ничего-то ты не понимаешь. Лицо — это главное! Оно приковывает взгляд. Все фанаты своих кумиров только из-за лиц и обожают, я по фоткам видела.]

[Цзянь Фу: Ну-у... допустим. Но зачем так сильно оголять шею?]

[Цзи Сяочуань: У Линь Циня очень красивые ключицы, это отличная приманка для покупателей. Не верите — спросите у тех двоих.]

[Линь Цинь: Староста... спаси меня!]

Ли Жун и Цэнь Сяо, чей романтический настрой был бесцеремонно разрушен, достали телефоны. Просмотрев полотно бессмысленного флуда, они, не сговариваясь, синхронно перевели чат в режим «не беспокоить».

Спустя три дня, под неустанным давлением со стороны Университета А, полиции наконец удалось найти человека, подходящего под описание Цэнь Сяо.

Им оказался некий Хуан Байкан, тридцатилетний безработный. В прошлом году он уже попадал в изолятор за кражу, а после освобождения подрабатывал на мойке машин и, кажется, больше в криминале замечен не был. Впрочем, портретное сходство было лишь приблизительным, и уверенности в том, что это именно он, не было.

Однако стоило офицеру обратиться за Ли Жуном и Цэнь Сяо для опознания, как Хуан Байкан явился в участок сам — с повинной.

На нем была засаленная, грязная майка, а кожа, сухая и шелушащаяся, казалось, так и не оправилась после целой зимы, проведенной на ледяном ветру. Уголки его глаз опустились, веки тяжело нависали, а зрачки были чуть приподняты вверх — даже когда он молчал, его лицо невольно хранило печать угрюмой жестокости.

Но, представ перед полицейским и деканом, он лишь заискивающе улыбнулся, потирая грубые, мозолистые ладони. Когда он заговорил, обнажились зубы с темным налетом от многолетнего курения, а его бескровные губы то и дело подрагивали.

— Это я. В объявлении написано про меня.

С этими словами мужчина выудил из кармана смятый листок, сорванный с электрического столба. На нем не было фото — лишь краткое описание инцидента и жирная надпись внизу: «Вознаграждение — 10 000 юаней».

Глава факультета замер, не в силах вымолвить ни слова. Он выхватил листок, пробежал по нему глазами и лишь тяжело задышал от негодования. План того «мажора» сработал безукоризненно: деньги помогли найти человека быстрее, чем все усилия полиции.

Объявление расклеили по его распоряжению. Давление сверху было слишком велико, и декан хватался за любую соломинку.

— Ты... — начал было он.

Хуан Байкан перебил его, широко раскрыв глаза:

— А деньги кто отдаст?

Полицейский холодно хмыкнул:

— Ты еще о деньгах думаешь? Знаешь ли ты, что это квалифицируется как незаконное проникновение и вымогательство? Мы тебя по базе уже пробили. Не явись ты сегодня сам, шанса на явку с повинной у тебя бы не было.

Хуан Байкан испуганно отпрянул на пару шагов.

— Пойдите! Я же ничего такого не сделал! Просто хотел немного за труды... Откуда мне было знать, что те пацаны такие богатые, сами же всё отдали! Какое же это вымогательство? Зовите их сюда, я готов к очной ставке!

Офицер лишь припугнул его. Такие, как Хуан Байкан, были обычными рыночными пройдохами — они могли юлить и паясничать, но не представляли серьезной угрозы. Главным было не

доводить его до крайности: если такой тип решит отомстить студентам, проблем не оберешься. Тем более что сами ребята не горели желанием заявлять в полицию, и если бы не настойчивость университета, об этой истории давно бы забыли.

— Слушай меня внимательно, — произнес офицер. — Сейчас ты во всем честно признаешься. От твоей искренности будет зависеть наше решение.

Хуан Байкан сглотнул, вытер вспотевшие ладони о грязные брюки, и жилы на его шее напряглись.

— В чем признаваться?

Полицейский кивнул представителю Университета А, давая знак, что тот может задавать свои вопросы.

Декан набрал в грудь воздуха, огляделся по сторонам и, убедившись, что лишних ушей нет, спросил:

— Ты передал сыну Ли Цинли некую рукопись?

Хуан Байкан выглядел искренне озадаченным.

— Кто такой Ли Цинли? — в лоб спросил он.

Собеседник кашлянул:

— Тот дом, в который ты вломился той ночью.

— А-а... — бродяга всё еще не улавливал сути. — А что такое рукопись?

Декан скрипнул зубами, едва сдерживая ярость:

— Конверт! Та вещь, которую ты отдал! Внутри была рукопись!

Хуан Байкан бесцеремонно привалился к стене и почесал нос тыльной стороной ладони.

— Да почему я знаю! Мне велели доставить — я и доставил. Внутри не заглядывал, только пощупал: понял сразу, что не деньги.

Глава факультета и раньше подозревал, что этот бродяга — лишь курьер. Полиция уже

сообщила ему, что у Хуана за плечами лишь начальная школа. Даже если дать ему десять лет, он бы не смог подсказать Ли Жуну ни единой строчки из той статьи.

— Кто дал тебе конверт? Что он сказал? Какова была цель?

Хуан Байкан подозрительно покосился на декана, затем на офицера и прошептал:

— Друг, ты вообще кто? И где те двое парней?

— Это представитель Университета А, — пояснил полицейский. — Та вещь, которую ты притащил, имеет отношение к их вузу. Говори правду, выкладывай всё, что знаешь.

Поняв, что обещанная награда может ускользнуть, Хуан Байкан заметно приуныл. К тому же высокомерный тон декана явно его раздражал.

— Хм, откуда мне знать, кто это был? Ко мне подошли неподалеку от изолятора, сунули несколько сотен и велели отвезти... как вы говорите, рукопись, в одну виллу. Я только вышел, денег не было совсем, вот и согласился.

Декан почувствовал, что наконец-то ухватился за ниточку, и подался вперед:

— Ты же запомнил его? Как он выглядел?

Хуан Байкан издевательски усмехнулся:

— Не-а. Не помню.

Офицер нахмурился и прикрикнул:

— Сказано же: сотрудничай! Не вздумай вводить нас за нос!

Хуан Байкан в сердцах хлопнул себя по бедрам:

— Да честное слово, не помню! Он был в маске и кепке, сразу видно — не хотел светиться. А я и не любопытствовал, мне-то что.

Морщины на лбу декана стали еще глубже. Очевидно, заказчик был крайне осторожен и хорошо подготовился. Кем бы он ни был, он умело заметал следы. Связан ли этот человек с университетом или с Институтом «Хунсо»? Почему он действует так скрытно? И была ли эта рукопись частью тех материалов, что опечатала следственная группа?

— Где именно вы встречались? — спросил полицейский. — Пойдем, отметим на карте.

Хуан Байкан, вальяжно покачиваясь, прошел мимо декана и нехотя подошел к компьютеру. Состроив недовольную мину и прищурившись, он пробормотал:

— Ну... рядом с изолятором. Там, в старом районе, есть такие закоулки... Как же их... переулок Каннанли?

Этот район считался одним из самых запущенных в городе: старая застройка, лабиринты узких улочек и почти полное отсутствие камер наблюдения. Заказчик явно знал, где искать исполнителя и как остаться незамеченным. Проверка всех записей в том районе за несколько месяцев потребует колоссальных усилий, и не факт, что в итоге удастся доказать факт преступления. Если бы не настоятельные просьбы Университета А, полиция давно бы закрыла это дело.

— Вспомни хоть какие-то приметы, — не отступал офицер. — За что можно зацепиться на видео?

Хуан Байкан задрал голову, мучительно вспоминая. Он долго мычал и бормотал что-то невнятное, но ничего дельного так и не сказал. В глазах декана промелькнуло нескрываемое презрение.

— Если ты расскажешь что-то стоящее, я выпишу тебе вознаграждение, — нетерпеливо бросил он.

Хуан Байкан уловил этот взгляд. Презрение высшего сословия было ему до боли знакомо: такие люди могли ничего не говорить, но их спесь и надменность сочились из каждой поры.

Он жаждал денег и не был святошей, и ему не было дела до тех студентов, но он вспомнил, что в глазах тех ребят не видел ничего подобного. Страх — да, но не это тошнотворное пренебрежение.

Хуан Байкан скривил рот, выпрямил свою сутулую спину и, задрав подбородок, посмотрел на декана сверху вниз:

— Хм, давайте-ка подумать... Тот человек был в черном плаще с поднятым воротником, закутан по самые брови. Но он был довольно грузным, килограммов восемьдесят пять в нем точно было. Ростом невелик, на полголовы ниже меня. Хоть он и прятался, я заметил седину там, где маска не прикрывала. Думаю, он не молод — лет сорок-пятьдесят, судя по голосу. Ах да! У него был легкий южный акцент, не знаю точно, откуда он родом. Но держался он... интеллигентно, что ли. Слово ученый какой-нибудь.

Офицер переглянулся с деканом. Тот хранил молчание.

Описанные черты были слишком общими: под это описание в Университете А подходил едва ли не каждый второй профессор, не говоря уже о сотрудниках «Хунсо». Но это всё же позволяло сузить круг подозреваемых и отсеять часть имен, облегчая дальнейшую работу.

Несколько дней назад декан узнал, что Ли Жун уже зачислен в Университет А без экзаменов. Если этот таинственный покровитель — кто-то из своих, он неизбежно попытается выйти на связь с юношей.

Ректор предупредил его: дело Ли Цинли крайне деликатное. Любая информация должна проверяться с предельной осторожностью. Университет А должен был стать весами, удерживающими равновесие, оставаясь при этом сторонним наблюдателем. И ректор ни за что не позволил бы кому-то использовать доброе имя вуза в своих грязных играх.

Хуан Байкан пожал плечами и произнес слово в слово то, что велел ему передать Цэнь Сяо:

— Хоть я и не видел его лица, его глаза врезались мне в память. Если я увижу их снова, то узнаю из тысячи.

<http://bllate.org/book/15351/1436188>